

С.А. Шагин

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЯХ (на примере Томской области)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант №12-13-70002а/Т).

Исследуются политические сети в региональной политике, их типология по качеству социального капитала. Выводятся функции политических сетей и показана специфика их проявления в сетях различных типов. Подчеркивается значение деформализации отношений и механизмов исключения из сети как индикаторов закрытых сетей. На основе материалов интервью с экспертами проведена диагностика политических сетей в регионе и обоснована оценка их как закрытых. Предложена интерпретация одного из наиболее резонансных случаев исключения из политической сети в томской политике.

Ключевые слова: политические сети; социальный капитал; региональная политика; Томская область.

Современные исследования политических режимов и процессов в российских регионах, как правило, концентрируются вокруг проблематики взаимодействия региональной власти с федеральным Центром. С учетом того колоссального воздействия, которое Москва оказывает на региональную политику, подобная фокусировка внимания вполне понятна. К этому же подталкивает исследователей и «вызов унификации», с которым они столкнулись в связи с укреплением властной вертикали и унификацией российского законодательства в 2000-е гг. [1. С. 11]. И все же не стоит оставлять за рамками анализа собственно региональные структуры, явления и практики. Их учет позволяет увидеть в политической жизни субъектов Федерации немало значимых характеристик.

Например, исследование институционального дизайна политической власти в российских регионах показывает фактическую невозможность самостоятельности её законодательной ветви от исполнительной, точнее – от главы субъекта Федерации. Лишь в редких случаях возможна относительная автономия от главы администрации финансово обеспеченных муниципалитетов – главным образом региональных столиц. Зато территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти в регионах пользуются сейчас очень высокой автономией от губернатора [2. С. 86, 87, 90, 91]. Анализ практик организации публичной сферы российского региона позволил выделить в ней ряд идеально-типических моделей институционального порядка, показать доминирование государственной власти среди участников политических дискуссий и контроль исполнительной её ветви над формированием повестки дня [3. С. 99, 100, 107]. В то же время опыт изучения властных структур в регионах средней полосы России говорит о возможности развития в них различных управленческих моделей. Здесь и «традиционно-прямолинейная» модель, в которой доминируют вертикальные связи, и «предправительственно-моноцентричная», где иерархичность сочетается с развитием горизонтальных связей, и «коллегиально-правительственная», включающая в процесс управления как представителей различных центров влияния, так и экспертов гражданского общества [4. С. 23].

Дилемма унификации институтов и многообразия практик осуществления политической власти в регио-

нах может быть разрешена путем использования методологий, альтернативных институциональному подходу. Одну из них предлагает политологии сетевой подход. В отличие от классической теории бюрократии и концепции «нового государственного управления», сетевой подход не упрощает объект государственного управления и не изолирует его от публичной политики. К числу других его достоинств исследователи относят учет морального измерения процесса производства политических решений, перенос фокуса научного интереса с институтов на отношения между ними, а также обращение внимания на издержки принимаемых решений [5. С. 106, 107].

Центральным для этого подхода является понятие «политическая сеть». Согласно определению Т.А. Бёрцель, «политическая сеть – комплекс относительно стабильных связей неиерархической и взаимозависимой природы, объединяющих множество разнородных акторов, которые обмениваются ресурсами, сознавая, что кооперация облегчает достижение совместных целей» (цит. по: [6. С. 20]). Политическая сеть представляет собой множество организаций и учреждений, осуществляющих связь гражданского общества и государства. Между ними существует взаимный интерес, обусловленный не только ресурсной зависимостью, но и стремлением к достижению общих целей. В процессе выработки политического решения эти структуры участвуют на равноправной основе, используя при этом как формальные, так и неформальные нормы [7. С. 240]. Тем самым политические сети образуют собой важное дополнение к формальной организации политической власти, которое не только расширяет ресурсную базу решения социальных проблем, но и вносит в эту организацию новые качества – доверие, ответственность, культуру консенсуса.

Эффективность сетевых структур в выработке политических решений не является постоянной. Исследователи политических сетей обращают внимание на ряд факторов повышения сетевой эффективности. Среди них и ресурсная обеспеченность, и общая сетевая стабильность. Но гораздо большее значение придается интегрированному характеру сети, её централизации вокруг ключевого властного агента, а также прямому финансовому контролю над нею со стороны государства [Там же. С. 244]. Очевидно, что в данном

случае речь не идет о властном регулировании всей системы взаимодействий: это противоречило бы самой сути сети как механизма горизонтальной координации социальных акторов. Однако именно участие распорядителей властных ресурсов придает решениям, выработанным внутри сетей, действенность и эффективность.

Для качественной характеристики политических сетей в регионе большое значение имеют также структура и качество того социального капитала, который функционирует в сообществе. Вводя в научный оборот понятие социального капитала, П. Бурдьё подразумевал под ним разнообразные ресурсы, доступ к которым индивид получает благодаря включению в систему личных связей (знакомств, признаний, обязательств), в ту или иную группу: «Объем социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан» [8. С. 66]. Такой подход в известной степени снижает значение экономического капитала и имущественного критерия социальной стратификации, поскольку признает возможность не опосредованного рыночными отношениями доступа к ресурсам [9. С. 34], а также извлечения дивидендов из таких нематериальных источников, как репутация, статус в группе или обществе в целом.

Дж. Коулмен подчеркивает, что социальный капитал носит «неосязаемый» характер, «поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов» и тесно связан с доверием в отношениях между ними [10. С. 126]. Развивая эту концепцию, ученый обращает внимание на структуры доверия в Сенате США, наиболее известной из которых является «сенатский клуб», объединяющий в своем составе далеко не всех сенаторов: «В действительности это означает, что некоторые сенаторы “вписались” в систему доверия и, соответственно, имеют некие обязательства. Широко признано, что члены клуба более влиятельны, чем те, кто остался за его пределами» [Там же. С. 128].

Соглашаясь с важнейшим значением доверия как основы социального капитала, Ф. Фукуяма переносит акцент на нормативный аспект этого явления. Он определяет социальный капитал как свод неформальных правил и норм, разделяемых членами группы и позволяющих им взаимодействовать друг с другом. Поэтому Фукуяма склонен в этой связи придавать большое значение как макросоциальным, так и профессиональным, корпоративным и иным нормам [11. С. 156].

Исследователи политических сетей в России выделяют два типа социального капитала. *Социальный капитал первого типа* возникает как результат всего предшествующего социально-экономического развития страны и усилий разного рода сообществ по выработке «правил игры», благоприятствующих экономическому и социальному развитию общества в целом. Он существует как деперсонифицированное доверие, в виде общераспространенных норм, правил поведения, запаса социальных контактов агента и

проявляется в «открытом» сетевом взаимодействии с иными хозяйствующими субъектами. *Социальный капитал второго типа* складывается как результат усилий отдельных субъектов по формированию замкнутой социальной группы, принадлежность к которой дает право на получение привилегий. Он выступает как персонифицированное доверие, в форме локальных групповых норм и правил, личных связей хозяйствующего субъекта [12. С. 38, 39].

Иерархический анализ структуры социального капитала первого и второго типов позволил исследователям выявить наиболее значимые их компоненты. Для социального капитала первого типа, преобладающего в *открытых* предпринимательских *сетях*, такими компонентами являются неучастие представителей власти в принятии бизнес-решений и в присвоении их результатов, а также так называемые «клубные» барьеры при входе в сеть (т.е. признание деловой репутации новичка со стороны профессионального сообщества). Для социального капитала второго типа и *закрытых* властно-предпринимательских *сетей* в качестве таких компонентов выступают значительные статусные потери при выходе из сети, участие представителей власти в принятии бизнес-решений и присвоении результатов этих решений [Там же. С. 47, 48].

Представляется, что подобная конфигурация компонентов с некоторыми оговорками может быть использована и для диагностики политических сетей, которые складываются в региональной политике. Действительно, невмешательство чиновников и депутатов в принятие бизнес-решений (а если рассматривать шире – в деятельность структур гражданского общества) и в использование их результатов служит подтверждением тому, что официальные институты политического управления (выборы, конкурсное распределение бюджетных ассигнований и т.д.) успешно справляются со своими нормативными задачами. А значимость «клубных» барьеров при вступлении в сеть означает реальный характер конкуренции между её участниками и их относительную автономию от власти. Наоборот, участие представителей власти в принятии экономических решений (и иных управленческих решений *в негосударственном секторе*) и присвоении их результатов служит явным признаком использования ими своего служебного положения и возникающего на этой основе конфликта интересов. Исключение из такой сети означает утрату не только возможностей участвовать в принятии коллективных решений, но и потерю околоставного статуса, административного ресурса, политического «прикрытия». Именно к доминированию подобных коррупциогенных практик приводит преобладание неформального характера взаимодействия власти и бизнеса и персонификация доверия в социальных сетях.

Более того, симметричный характер приведенных выше признаков дает возможность интерпретировать их как специфические функции сети. Участие или неучастие представителей власти в принятии бизнес-решений можно истолковать как амбивалентность *регулятивной функции* сети: её участники вынуждены выбирать между автономной и императивной коорди-

нацией своих действий. Участие или неучастие чиновников в присвоении результатов коммерческой деятельности – выражение *дистрибутивной функции* сети: она предполагает выбор между распределением социального капитала внутри самой сети производителей или выделением в пользу носителей власти дополнительной части этих благ – *административной ренты*. Наконец, включение субъекта в систему неформальных контактов или исключение из неё предполагает оценку его поведения посредством, соответственно, наделения или лишения определенного социального капитала, т.е. *санкционирующую функцию* сети.

Выбор императивной координации и уплаты административной ренты как стратегий минимизации издержек во властно-предпринимательской сети приводит к ослаблению возможностей активного влияния её неправительственных участников на принятие согласованных решений. В этих условиях значение санкционирующей функции в глазах этих участников заметно возрастает: фактически только она позволяет им проявить свою, выражаясь языком мировой политики, «мягкую силу» по отношению к сетевым процессам. Неудивительно, что попытки кого-либо из участников сети взять под свой контроль реализацию этой функции или хотя бы получить преимущество в ее осуществлении должны вызывать протест или даже активное противодействие со стороны иных участников.

Таким образом, при диагностике политических сетей в регионе особое значение имеет степень деформализации отношений между представителями власти, с одной стороны, и гражданским обществом (а в узком смысле – бизнес-сообществом) – с другой. Хотя неформальные отношения между ними повсеместно дополняют собой официальные, явное доминирование первых над вторыми говорит о превосходстве социального капитала второго типа и о закрытом характере сети. Однако если констатация значения неформальных контактов достаточно распространена, то такие признаки смешанных властно-предпринимательских сетей, как участие чиновников в принятии бизнес-решений и присвоении их результатов, обнаружить эмпирически гораздо сложнее, чем ситуации включения в сеть или исключения из неё.

Эти соображения стали методической основой при интерпретации данных цикла нестандартизованных интервью, проведенных сотрудниками кафедры политологии ТГУ в 2012 г. с 26 региональными экспертами из числа представителей власти, бизнеса и некоммерческого сектора в Томской области. Ключевое внимание в их ходе было обращено на значение неформальных связей для успешности бизнеса и общественной деятельности, а также на оценку экспертами уровня препятствий при включении новых участников в сети и масштаба потерь при исключении из её состава.

По единодушному мнению экспертов, неформальные связи выступают доминирующим фактором успешности коммерческой и общественной деятельности: «В России в целом всегда личные отношения являются определяющими для решения каких-либо вопросов. То есть если бумагу для решения каких-либо даже очень важных, социально значимых проблем,

направляют на имя какого-нибудь большого человека, то у меня почти 100% уверенность, что это письмо ничего не даст! А если у меня есть какие-то личные отношения, то, в общем-то, письмо, там неважно, что будет написано, оно нужно только как некий формальный повод для того, чтобы эту помощь оказать. Так что личные отношения решают, наверное, на 90% все вопросы» (глава религиозной общины). «Неформальные связи в России – это чуть ли не основная определяющая. Все решается не в рамках правил и законов, а в рамках договоренностей» (руководитель регионального отделения политической партии, предприниматель). «Если у тебя есть знакомые люди, и ты “прикрыт”, то ты работаешь, если нет – то нет» (предприниматель в области СМИ). Причем значение неформальных связей охотно признают и муниципальные чиновники, которые считают такое положение вполне нормальным, а в чем-то даже полезным для эффективности функционирования власти: «В нашей стране, с нашей ментальностью зачастую неформальные отношения стоят во главе и могут быть более значимыми, чем формальные» (глава администрации района). «Всю качественную обратную связь можно получать из неформальных контактов, поэтому они играют большую роль» (заместитель мэра города).

Позиция представителей областных властей несколько осторожнее, но и они склонны признавать распространенность неформальных связей и их большое значение для принятия управленческих решений. Среди неформальных связей выделяются влияние отраслевых, земляческих и этнических сообществ: «У нас традиционно сильные отраслевые лобби. Есть очень мощная энергетическая мафия, строительная группировка. У нас достаточно хорошо в этом смысле выражены землячества: сильная стржевская группа, есть бакчарская, асиновская группировка – они не афишируются, но они присутствуют. И они по возможности пытаются влиять на какие-то позиции. К сожалению, у нас есть серьезные национальные кланы. Например, ЖКХ у нас традиционно под татарами. У нас непропорционально было сильно влияние немцев до последнего времени в политике и экономике. Ну, вы понимаете...» (сотрудник аппарата областной думы).

В противоположность неформальным связям официальные площадки взаимодействия государственной власти с гражданским обществом рассматриваются экспертами как малоэффективные. Причиной тому называют низкий статус совещательных органов, непроработанность механизмов учета рекомендаций общественных экспертов в процессе принятия государственных решений: «Это отсутствие механизмов обсуждения, как постановки вопросов, так и реакции на них. Вот механизмы-то зачастую работают так, что больше они для создания фасада видимости их работы, чем по существу. Почему у многих и разочарование наступает после участия в каких-то таких вещах, потому что когда два часа потратил, и все – после этого разошлись и забыли» (руководитель регионального отделения политической партии, предприниматель). Хотя по Уставу области Совет обще-

ственных инициатив (СОИ) при областной думе, Молодежный парламент, а с 2012 г. – Общественная палата Томской области (ОПТО) наделены правом законодательной инициативы, они довольно редко пользуются этим правом, ограничиваясь ролью площадок для обсуждения законопроектов, предложенных администрацией и депутатами.

Эксперты отмечают частичное дублирование функций ОПТО и СОИ. Кроме того, высказывались мнения о формальном характере этих органов, неоптимальности их состава и недостаточной обеспеченности их работы необходимыми ресурсами: *«... Чувствовалось, что Общественная Палата больше создана не потому, что в ней нуждаются, а потому, что она должна быть, поскольку эта волна пошла во всех регионах. Не совсем, мне кажется, было понятно для самой власти, зачем нужна Общественная Палата и что она может... А главное то, что все люди очень загруженные и в качестве таких вот полноценных экспертов работать конечно не в состоянии. Потому что это всё в качестве хобби, в свободное время от остальных дел время, а такого времени у большинства членов Общественной Палаты практически нет. Поэтому проработанную, глубокую, всестороннюю экспертизу Общественная Палата конечно не в состоянии дать»* (глава религиозной общины, член ОПТО). *«Да, есть определенные разочарования, что я захожу во все совещательные органы при органах власти, но по сути это сейчас только трибуна для высказывания своего мнения... К сожалению, работа во многих таких структурах все больше превращается в фикцию»* (руководитель общественной организации, член СОИ). Заметное обезличивание ранее созданных совещательных органов происходит, по мнению ряда экспертов, в связи с образованием в новой структуре областной администрации экспертных советов при департаментах.

На вопрос о препятствиях на пути включения в систему неформальных связей большинство экспертов проявили склонность связывать обретение таких контактов с опытом работы в той или иной сфере. *«Чем больше мы провели совместных мероприятий, конкурсов, комиссий, экспертных групп, чем больше каждый видит, что есть работа, то конечно это потом влияет. А если ты сидишь в кабинете, то никаких личных связей не будет»* (председатель комитета мэрии). При этом установление необходимых связей и достижение признания внутри профессионального сообщества рассматривалось как вполне реальная возможность.

Несколько сложнее структурировались мнения экспертов по вопросу о потерях в случае исключения из сети. Большинство чиновников отмечают, что уход с государственной или муниципальной службы не влечет для них существенных потерь: они уверены в том, что сохраняют накопленный социальный капитал в новой сфере – в бизнесе или в общественных организациях. *«В целом я спокойно смотрю на переход из бизнеса во власть и обратно, и никаких издержек я здесь не вижу, ни репутационных, ни каких-либо еще. Есть другие случаи, когда люди приходят с другими целями, коррупция например. Поэтому издержки мо-*

гут быть разные» (заместитель мэра города). Соответственно, в качестве маркера утраты чиновником социального капитала могут выступать вовлечение в коррупционный скандал и недобровольная отставка с занимаемой должности, т.е. ситуации, довольно редкие в регионе.

Предприниматели отмечают, что устранение из сети влечет за собой очень значительные потери – и не только статусные: *«Они, которые в обойме, боятся из нее выпасть, и понимают, что дальше-то все – конец эпохи»* (предприниматель в области СМИ). Впрочем, по их мнению, полное исключение из системы сетевых контактов – это большая редкость, как правило, также связанная с судебным преследованием, отстранением от должности или утратой бизнеса. В качестве наиболее характерного примера такого исключения из системы неформальных связей упоминалась отставка, арест и осуждение бывшего мэра Томска А.С. Макарова. *«А это, думаю, зависело от самого Макарова. Если бы он вовремя “разоружился перед партией”, то могло бы быть по-другому. Я не знаю, конечно, до конца всего, но он не такой человек, был максималистом и шел до конца. Я не думаю еще, что Макаров был частью системы, ведь система не однородна. Думаю, что сама система и отторгла, он не хотел в свои записываться, и есть и другие люди, не вписавшиеся»* (руководитель регионального отделения политической партии, предприниматель).

Общественные деятели подходят к оценке ситуации исключения из сетевого взаимодействия функционально: политическая сеть в их понимании – это ресурс осуществления социально значимой деятельности, а не признак статуса. Это не удивительно, если принять во внимание статусные отличия этой категории от остальных. Однако выпадение из сети расценивается как очень нежелательное явление: *«Если человек выпадает из сферы неформальных контактов? Многого теряет. Сегодня в наше время, конечно, очень многое теряет. Почему? Потому что время теряет. Сегодня время очень важно каждому человеку. Поэтому... вы можете это решить завтра, послезавтра, но время теряете»* (глава религиозной общины).

Таким образом, отношения власти, бизнеса и некоммерческого сектора в оценках томских экспертов вполне соответствуют признакам закрытых политических сетей. Относительная слабость официальных каналов сетевого взаимодействия, дублирование их функций и зависимость от органов власти компенсируется огромным влиянием системы неформальных контактов на принятие решений, как в сфере бизнеса, так и в системе политического управления. Вхождение в эту сеть неформальных контактов оценивается как относительно доступное и обуславливается опытом практического участия в решении социальных задач. Исключение же из сети связывается с «несистемным» поведением исключаемого и сопряжено с полной потерей статуса благодаря участию в этом процессе правоохранительных и судебных органов.

С этой точки зрения представляет интерес одна из самых громких региональных отставок 2013 г. В апреле 2013 г. областная дума приняла решение об от-

ставке уполномоченного по правам человека в Томской области Н.С. Кречетовой. Формальным поводом к принятию такого решения стала отрицательная оценка работы уполномоченного депутатами «в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей», а также «несоблюдением уполномоченным ограничений для лиц, замещающих государственные должности Томской области» [13]. Эксперты отмечали, что более значимыми причинами отставки стали неуживчивый характер томского омбудсмана и последовательная политика нового руководства области по вытеснению команды В.М. Кресса с ключевых постов. Но изложенная выше концепция позволяет оценить этот случай с новой стороны.

В период своей работы на посту регионального омбудсмана бывший советник и заместитель губернатора Н.С. Кречетова активно выражала свое мнение по многим актуальным вопросам, имеющим политическое значение. Защищая в суде одних бизнесменов и публично порицая других, критикуя работу различных властных структур – от федеральных до местных, она фактически взяла на себя роль выразителя общественного мнения. Более того, омбудсмен впервые поставил вопрос о создании в области института репутации [14]. Случай с дискредитацией директора одной из строительных компаний мог быть расценен как попытка уполномоченного по правам человека занять позицию распределителя (точнее, «конфискатора») социального капитала, т.е. монополизировать важнейший инструмент саморегуляции закрытой политической сети – её санкционирующую функцию.

Косвенным образом это признали и члены депутатской комиссии, когда пришли к выводу о том, что «конструктивное взаимодействие уполномоченного по правам человека в Томской области с органами государственной власти и местного самоуправления не налажено», отмечая факты «огульной деструктивной критики, не подкрепленной конкретными фактами и не направленной на конструктивное взаимодействие... с иными органами государственной власти» [15. С. 18, 29]. Не случайно за отстранение Н.С. Кречетовой от должности выступили представители различных партийных фракций, федеральных органов и православной епархии. Можно предположить, что именно «конструктивное взаимодействие с иными органами власти», т.е. системное поведение, готовность действовать по неписанным правилам сети, и являлось в глазах депутатов главным критерием соответствия омбудсмана занимаемой должности.

Подводя предварительный итог анализу функционирования социального капитала в политических сетях Томской области, можно отметить, что закрытость этих сетей и сращивание бизнеса с депутатским корпусом и исполнительной властью в регионе способствует воспроизводству моноцентристского неконкурентного регионального режима.

Следуя приведенной выше классификации, эту управленческую модель следовало бы назвать «предправительственно-моноцентричной». А для этой модели характерны как тенденция к концентрации властных полномочий в руках доминирующего актора, так и определенные сетевые ограничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туровский Р.Ф. Эффективность и демократичность региональных политических режимов в современной России: противоречия теории и практики измерения // *Politbook*. 2013. № 1. С. 8–39.
2. Туровский Р.Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 82–92.
3. Семенов А.В. Институциональные практики и институциональный порядок публичной сферы региона // *Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка*. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 92–114.
4. Оболонская Е.А. Сетевые сообщества в политическом пространстве региона // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер. История. Политология. Социология. 2008. № 1. С. 19–27.
5. Сморгунюв Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // *Полис*. 2001. № 3. С. 103–112.
6. Громогласова Е.С. Теория и практика политического управления в Европейском союзе. М.: ИМЭМО, 2009. 116 с.
7. *Государственная политика и управление*. Ч. 1 : Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л.В. Сморгунюва. М.: РОССПЭН, 2006. 384 с.
8. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
9. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии : учеб. пособие / под ред. Г.С. Батыгина. М.: Новый учебник, 2004. 248 с.
10. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 123–139.
11. Гуськова Н.Д., Клюева А.П. Современные теории социального капитала // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2012. № 2. С. 152–160.
12. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 37–51.
13. *Постановление «О досрочном прекращении полномочий Уполномоченного по правам человека в Томской области Кречетовой Нелли Степановны»* // Официальный сайт Законодательной Думы Томской области. URL: http://duma.tomsk.ru/video/other/edocs/2013/Duma/04/37_.pdf, свободный (дата обращения: 21.11.2013).
14. Кречетова Н. Репутационный капитал. Обращение к гражданскому обществу Томской области // *Уполномоченный по правам человека в Томской области*. Томск, 2011. URL: <http://ombudsman.tomsk.ru/articles/kapital.html?catID=3>, свободный (дата обращения: 09.08.2012).
15. *Заключение специальной комиссии о наличии оснований для досрочного прекращения полномочий Уполномоченного по правам человека в Томской области Кречетовой Нелли Степановны* // Официальный сайт Законодательной Думы Томской области. URL: http://duma.tomsk.ru/video/other/edocs/2013/Duma/04/37_.pdf, свободный (дата обращения: 21.11.2013).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 июля 2014 г.

THE SOCIAL CAPITAL IN REGIONAL POLITICAL NETWORKS (BY EXAMPLE OF TOMSK REGION)

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 64–69. DOI: 10.17223/15617793/386/10

Shpagin Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpagin@sibmail.com

Keywords: political networks; social capital; regional policy; Tomsk region.

Political networks in the regional policy are investigated, the typology of network communities by the quality of the social capital is tested. The social capital of the first type exists in the form of common norms, rules of behavior, a stock of social contacts and corresponds to the social networks of the open type. The social capital of the second type acts as personified trust, in the form of local group norms and rules, personal contacts of the subject, and corresponds to the closed social networks. The most important components of open networks are non-participation of authorities in making business decisions and in appropriation of their results, as well as the so-called "club" barriers when entering a network. The loss of status when leaving a network, authorities' participation in making business decisions and in appropriation of their results are such components for closed networks. These features were used for the diagnosis of political networks which develop in the regional policy, and also for singling out the specific functions of a political network: regulatory, distributive and sanctioning. During the research the special significance of the sanctioning function in closed networks was proved both for functioning of network interactions and for the recognition of the features of closed networks in the political space of the region. The value of deformatization of the relations and mechanisms of exclusion from a network as indicators of the closed networks is stressed. The diagnostics of the political networks in Tomsk Region was realized on the basis of the interviews with experts, and the assessment of those networks as closed ones was founded. The experts confirmed the opinion on the decisive nature of informal communications in network interaction, and allocated sectoral, patriotic and ethnic relations among the informal relations. Official platforms of interaction of the state authorities and civil society are considered by experts as ineffective. In addition, views about the formal nature of these agencies, non-optimality of their composition and their insufficient supply of necessary resources were expressed. Inclusion in the system of informal relations is considered by experts as a natural consequence of long professional activity. The situations of prosecution and dismissal are the signs of exclusion from a political network. Exclusion from a network is linked to the "non-systemic" behavior of the excluded and it is associated with a complete loss of status due to the participation of law enforcement and judicial bodies in this process. It can be noted that the closed nature of political networks and business accretion with the authorities contributes to the reproduction of a mono-centrist noncompetitive mode in the region.

REFERENCES

1. Turovsky R.F. Effectiveness and democracy scores of regional political regimes in modern Russia: the controversy of measurement's theory and practice. *Politbook*, 2013, no. 1, pp. 8-39. (In Russian).
2. Turovsky R.F. Institutional'nuy dizayn rossiyskoy regional'noy vlasti: kazhushchayasya prostota [Institutional design of the Russian regional authorities: the apparent simplicity]? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 5, pp. 82-92.
3. Semenov A.V. *Institutsional'nye praktiki i institutsional'nyy poryadok publichnoy sfery regiona* [Institutional practices and the institutional order of the public sphere in the region]. In: Patrushev S.V. (ed.) *Grazhdane i politicheskiye praktiki v sovremennoy Rossii: vosпроизводство i transformatsiya institutsional'nogo poryadka* [Citizens and political practices in modern Russia: the reproduction and transformation of the institutional order]. Moscow: RAPN Publ.; ROSSPEN Publ., 2011, pp. 92-114.
4. Obolonskaya E.A. Policy networks at the regional political area. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya — Proceedings of Voronezh State University. History. Political science. Sociology*, 2008, no. 1, pp. 19-27. (In Russian).
5. Smorgunov L.V. Setevoy podkhod k politike i upravleniyu [Network approach to policy and management]. *Polis*, 2001, no. 3, pp. 103-112.
6. Gromoglasova E.S. *Teoriya i praktika politicheskogo upravleniya v Evropeyskom soyuze* [Theory and practice of political governance in the European Union]. Moscow: IMEMO Publ., 2009. 116 p.
7. Smorgunov L.V. (ed.) *Gosudarstvennaya politika i upravlenie* [Public policy and management]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. Part 1, 384 p.
8. Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya — Economic Sociology*, 2002, vol. 3, no. 5, pp. 60-74.
9. Gradosev'skaya G. V. *Setevye izmereniya v sotsiologii* [Network measurements in sociology]. Moscow: Novyy uchebnik Publ., 2004. 248 p.
10. Coleman J. Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [Social and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2001, no. 3, pp. 123-139.
11. Gus'kova N.D., Klyueva A.P. Sovremennye teorii sotsial'nogo kapitala [Modern theories of social capital]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki — University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2012, no. 2, pp. 152-160.
12. Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S. Struktura sotsial'nogo kapitala kak faktor institutsional'nogo razvitiya regiona [The structure of social capital as a factor in the institutional development of the region]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no. 6, pp. 37-51.
13. Resolution "On the early termination of powers of the Commissioner for Human Rights in Tomsk Region Krechetova Nelly Stepanovna". Available at: http://duma.tomsk.ru/video/other/edocs/2013/Duma/04/37_.pdf. (Accessed: 21st November 2013). (In Russian).
14. Krechetova N. *Reputatsionnyy kapital. Obrashchenie k grazhdanskomu obshchestvu Tomskoy oblasti* [Reputation Capital. Appeal to the civil society of Tomsk Region]. Tomsk, 2011. Available at: <http://ombudsman.tomsk.ru/articles/kapital.html?catID=3>. (Accessed: 09th August 2012).
15. Conclusion of the Special Commission on the grounds for early termination of powers of the Commissioner for Human Rights in Tomsk Region Krechetova Nelly Stepanovna. Available at: http://duma.tomsk.ru/video/other/edocs/2013/Duma/04/37_.pdf. (Accessed: 21st November 2013). (In Russian).

Received: 03 July 2014